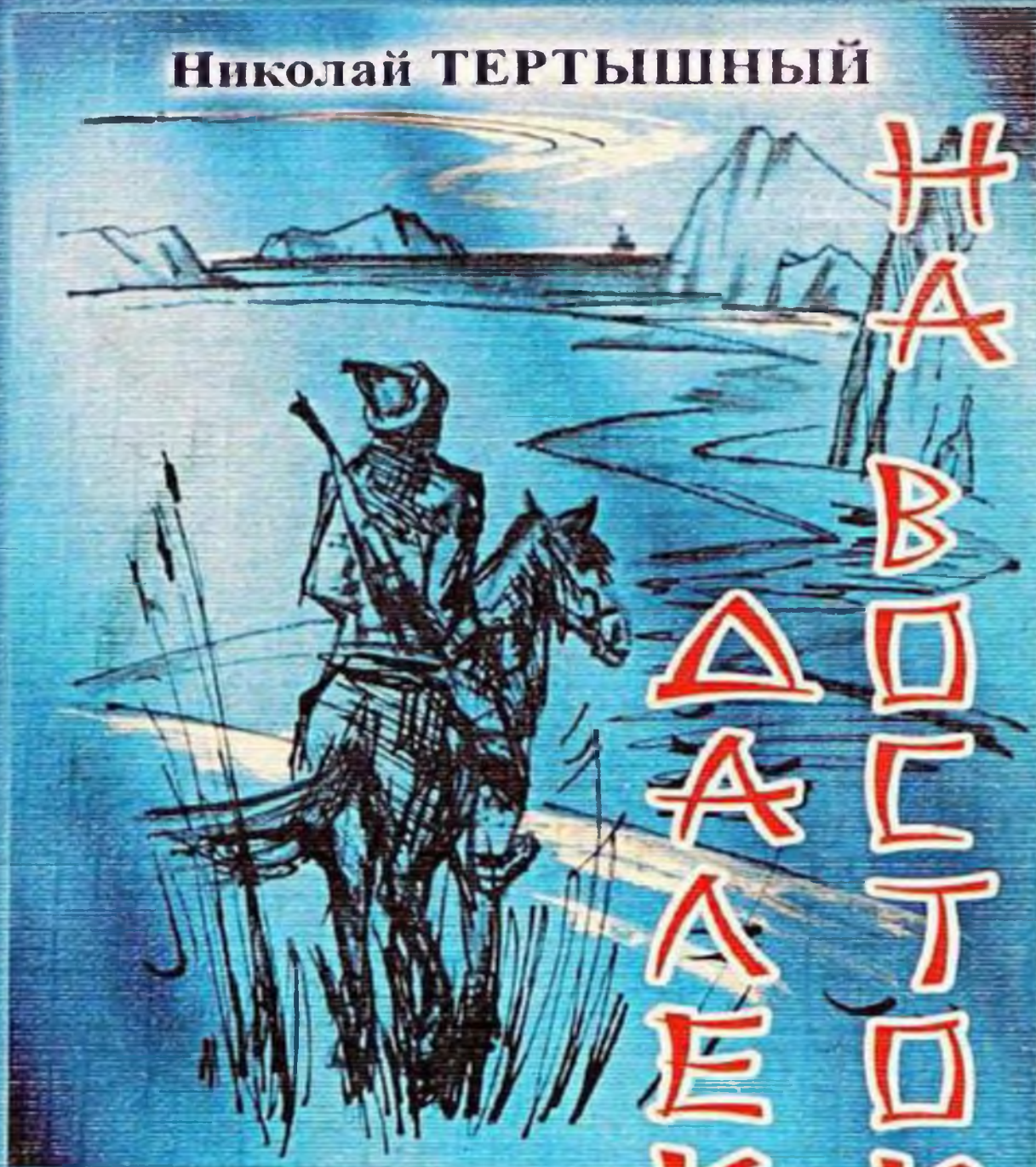

Николай ТЕРТЫШНЫЙ

Н
А
В
Д
А
А
Е
К
О
О
С
Т
О
К
Е

Дискография - 1990-2010
с изменением
адреса в 2010
Афанасий Прохоров

Издательство ООО "Рея"
г. Владивосток 2009г.

H. [Signature]

кР8412 Рос-Руд 6
Т 35

Н.Тертышный

ДАЛЕКО

НА

ВОСТОКЕ

123410-

Повесть

Библиотека-музей
г.Находка

Литературный клуб "Элегия"
г.Находка
2009г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Находка

БК

А

Тертышный Н.П.

Далеко на Востоке повесть, 2009г. 160 стр.

Редакция

Д.В. Усатая,

С.В. Кабелев

Художник Н.П. Саунин

Оформление Н. Тертышный-младший

© Николай Тертышный

© Николай Саунин

Приморский край 2009г.

Приморье – тихоокеанский рубеж России. Благодатный край, замечательная природа, соединившая чудесным образом здесь все стороны света. Здесь складывалась значительная многовековая история народов, населявших и осваивающих удешние богатые земли.

В повести Н. Тertyчного показан небольшой эпизод этой истории. Небольшая окружённая горами долина реки на самом юге Приморья. В среднем течении её при слиянии с притоком когда-то стоял город, названный, конечно же, именем правителя или основателя. В повести это Шуа-хан. И город-крепость, славившийся кузнецами, и река названы этим именем. Названия других мест, как Фурдан-чэн (большая двойная крепость), Бай-чэн (белая крепость), как впрочем, и другие географические названия вполне реальны, и читателю, интересующемуся историей, будет нетрудно отыскать их в литературе. Авторская фантазия лишь иногда обыгрывает эти названия и предлагает читателю самому понимать, что Шуачэн это, конечно же, река Сучан, и что так же назывался до семидесятых годов прошлого столетия и шахтёрский городок в долине. А ныне это Партизанск. Фурдан-чэн – это нынешний Уссурийск, Дурга-чаида это, конечно же, нынешний горный массив Чандалаз, сказочно возвышающийся над сучанской долиной справа. Большая и Малая Грудь-горы – конечно же, нынешние Брат и Сестра, красивые пирамидальные вершины поднимающиеся особицей в самом устье реки. На картах они иногда обозначены как горы Клыкова.

Интересно складываются в повести и имена героев. Не от имени ли Темучин происходит в повести Тимоха? В истории пленения в юности будущего «великого хана» есть такие большие пробелы, что действительно возможности для фантазии оставлены ещё и нам. Тем более, что у нашего героя упоминается и дед – Простак, что напрямую «роднит» его с Чингизханом. Тот же приём игры в имена использует автор с Вогуз-ханом и его внуком юношей Могулом. Из прямого упоминания о христианстве несторинского толка можно угадать некоторую связь между Могулом и Ванханом, предводителем племени керантов, первоначальных союзников Темучина. Такой

факт некоторого успеха продвижения христианства среди племён Средней Азии действительно имеет место быть в истории. А побывать в илему юношам и встретиться в камеломоме помогают пробелы в их биографиях и авторское воображение. Словом, повествование, рассчитанное на юношество, можно назвать «занимательной историей», где упоминания о делах фантастических соседствуют с реальными событиями и действие, происходящее тысячу лет назад, вполне может напомнить о себе и сегодня, например, сокровищем кумирни, захороненным случайно тогда в незавершённом кургане. Впрочем, сокровище ещё нужно найти...

От автора

За выбор темы этой повести я обязан Станиславу Кабелеву, писателю, путешественнику, старшему товарищу и учителю, вдохновлённому красотами нашего края и умеющему щедро делиться своим вдохновением. Его идеи создания туристических комплексов на юге Приморья впечатляют и захватывают настолько, что невольно пытаешься постыдно помогать ему, вникая всё более и более в историю наших мест, в задачу рационального освоения их, и привлечения к ним внимания общественности.

Все мои размышления нынче опять же о простых людях, о путях в «перестройке», об уходящем поколении отцов, и всё это, конечно же, не без огадки в историю. Из последнего заинтересовался рождением Золотоордынской империи – первые предпосылки, условия, причины. Но времени это конец двенадцатого столетия, когда территории Приморья входили в состав Золотой империи чжурчженей. Говорить о какой-то исключительной централизации средневековых государств нет основания. Можно предположить лишь особо централизованный военный, политический механизм власти, основанный на идеологии силы, жестокости, угроз и набегов, но в самом начале в нём всё-таки присутствует желание блага пусть даже малому клану людей, ограниченному на тот период времени сословным несовершенством. И если эта сила по тем

или иным причинам, особенно экономическим, переходила из так называемого центра в другое место, то и власть естественно уходила, образуя тут же другой центр. Это разорительное состояние народов, несомненно, в экономическом плане, приостанавливало их развитие, но, тем не менее, способствовало становлению особого типа государства, принципы которого положены были затем в монгольской империи и в укреплении российского самодержавия, и надо признать, во многом сохранены до сих пор. Сегодня мы склонны полагать, что то были «пустые» времена, а пространства безлюдные, дикие и совершенно мало освоенные. Это заблуждение. То были времена великих переселений, величественных движений и открытий, то были времена Великих Империй...

Небольшая, сравнительно тёплая и благодатная, и к тому же закрытая горами долина р.Сучана (ныне р.Партизанской), была активно заселена в те времена и являлась одной из областей империи. Количество крепостей, поселений и монастырей, располагавшихся в долине, насчитывает несколько десятков. Сама природа здесь никогда не располагала к кочевому образу жизни. Ещё государственность Бохая сложилась здесь задолго до объединения Европы Карлом Великим, и, несмотря на гибель, наверняка была унаследована чжурчженями. Живописные места, горы, озёра, заросшие лотосом (воды в долине было вероятно значительно больше того, что мы видим сегодня, а река совсем до недавнего времени ещё была полна рыбой),

удобнейший выход к морю, источники, освящённые монахами, издревле привлекали сюда налогоплательщиков со всей Империи Цзинь. Эти земли вероятнее всего в причину своего особого географического положения оставались как бы окраинными, более независимыми от засилья и политики центров. Здесь могли проявляться некие другие формы племенного управления, самоуправления, оставившие след в истории, как земли вольные и сказочные, благодатные и счастливые. (Не отсюда ли берёт своё начало легенда о Шамбале, о чудной прекрасной стране, где живёт вольный счастливый народ?) Обычно затерявшиеся, отдалённые, окраинные земли у всех народов претендуют на звание сказочных стран счастья, довольства и равенства...

В повести затронут небольшой отрезок времени (два-три года) двенадцатого столетия. Действия происходят на востоке Империи Цзинь в одной из дальних провинций, на территории юга сегодняшнего Приморского края. Работая над повестью, я надеялся на встречу с любознательным читателем, способным сквозь вымысел и фантазии о прошлом видеть и день сегодняшний.

Русич Никита-кузнец двадцати лет и юноша монгол по прозвищу Тимоха семнадцати лет волею судьбы оказываются в неволе в Городе Кузнецов в долине благодатной реки, впадающей в океан. Правитель города и области наместник императора Шуа-хан озабочен общей политической обстановкой намечившегося упадка имперской власти в провинции, духовными и религиозными исканиями в

народе, строительством кургана усыпальницы для своей покойной жены и судьбой единственной дочери Гольджели. Извне городу грозит разрастающаяся орда кочевников под предводительством Кидаль-хана. В среде знати усиливается оппозиция во главе с племянником наместника Юном. На фоне этих событий в повести показаны дружба и вражда героев, любовь, бытовые сцены во дворце хана, в кузне, в каменоломне, в городе, на реке близ монастыря, в долине и т.д.

Все "незнакомые" слова, используемые в повести, просто подзабыты сегодня, но в словарях они есть. Знакомый и пытливый читатель узнает два-три места в повести и обязательно поймёт меня и простит за то, что не утерпел приукрасил и «похвалил своё болото». А как же иначе, родина ведь...

2009г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

...О расформировании Эн-ского авиаотряда, в котором Андрей Серёгин служил уже десятый год, поговаривали давно, но как только рухнул Союз, совсем стало понятно, что службе и вовсе приходит конец. Майорские погоны на плечах Сергеева, ранняя синева висков, да не обременённая излишними материальными устремлениями душа – это всё, что доставалось ему, считай, за добрую половину жизни, отданную так или иначе лётному делу, как бы это высокопарно ни звучало. Не считая, конечно, ещё семьи. Но красивую, спокойную жену и почти взрослого сына. Сергеев серьёзно считал подарком судьбы, а не приобретением или наградой за своё лётное время. И вот об этом подарке в первую очередь нужно было как-то побеспокоиться...

- Поеду к маме, пока ты как-то определишься, – как-то уж излишне спокойно и скоро определилась жена. Она быстро ориентировалась в ситуации, лишь дольше обычного грустно посматривая в глаза Серёгину.

- В Саратов, так в Саратов..., – но очень-то обрадовался переезду сын. Всяческие пертурбации накануне выпускных экзаменов в школе ему явно были не нужны, но и он принимал случившееся с должным достоинством. Это как-то обнадеживало. Казалось, первиччал только сам Сергеев. С неделю, не находя себе места, он ходил хмурый и злой на весь белый свет, и, в конце концов, осмелился

позвонить приятелю в штаб округа, знакомому ещё по училищу и сделавшему карьеру, дослужившись наверх до какого-то там заместителя.

- Не психуй..., – успокоил его приятель. – Что-нибудь придумаем.

После его «придумки» Серёгин получил назначение в Приморье на один из малых аэродромов в отряд воздушного охранения береговых объектов. Это была почти граница, и значит, служба не обещала спокойствия. Но это было, несомненно, лучше, чем увольнение из армии вообще...

Жена с сыном, наскоро собрав немудрёный багаж, вскоре укатили к старикам на Волгу, а он сам, распрощавшись со своей старенькой «Нивой», прохолостяковав ещё пару месяцев в расформированном отряде, наконец, расстался с Эиском тоже, рассчитывая на четвёртые сутки добраться поездом во Владивосток.

...В попутчики Андрею случились два молодых человека, по всему приятели, что в купе и не сидели, а пропадали всё где-то должно в ресторане либо в гостях у кого в другом вагоне, поскольку объявлялись уже потемну поздно и изрядно подшофе. Третьим был высокий старик с красивой белой бородой и с таким же красивым отчеством Ермилович. На удивление и вопрос Серёгина – откуда, мол, такое имечко, старик охотно долго рассказывал о своих староверских корнях, о больших дружных семьях, что осели когда-то не от хорошей доли по Амуру. Михаил слушал и дивился

по-доброму одной из историй необъятной России-матушки...

Строгой религиозности в своей семье Серёгин не видел и за родителями, как-то уж просто отошедшими от церкви в двадцатые годы, но кое-какие праздники и обряды из прошлого понаслышке знал. Жена, всё время работавшая учительницей в школе, знала верно побольше из того как много доброго можно было найти в религиозном воспитании. Испригязательность, скромность, воздержанность, послушание – разве это плохо когда дети знают что это такое. Мало того, Андрей с возрастом замечал всё чаще и острее в себе какое-то явно национальное чувство принадлежности к русскому, как говорится, этносу. Ничего не объясняя себе, просто любил правильно исполненные русские песни, звучные славянские имена. Так по детски вдруг обрадовался отчеству нового знакомого – Ермилович! И не потому, что редкое имечко, а просто какая-то милость и явная доброта были запрятаны в это славное сочетание обычных, казалось бы, букв.

Ночью совсем не спалось. Позванивала ложка в стакане на столике, снизу глухо стучали колёса, вагон мерно качало и легко подёргивало на стыках рельсов. С вечера Серёгин, как все порядочные люди раскошелится и заглянул в вагон-ресторан. Когда ещё выпадет случай такой свободы от дел да всяческих обязательств. Заказал себе сто грамм водочки «Столичной», слегка закусил котлетой дорожной непривычной, да и угомонился на том,

решив, что достаточно и вольготно погулял. Вернулся в купе, прилёг. Накатила тоска под сердце и потянула больно зудящей нитью череду памяти сорока пяти прожитых, так или иначе, годков...

К утру скрутило желудок. То ли водочка «несвежая» оказалась, то ли котлета, а может быть, просто его желудок последние месяцы страдал от излишней нервозности и постных дней. Так или иначе, промаявшись ещё сутки в купе, майор Серёгин по совету проводника вагона сошёл с поезда в Уссурийске и через пару часов после обращения в медпункт на вокзале, оказался в окружном военном госпитале.

- И-да...! – неопределённо хмыкал себе под нос военврач, перечитывая данные анализов. – Как это вас угораздило в дороге...?

- Да вот как-то так..., – словно извиняясь, пожимал плечами Андрей.

- А давно замечаете неполадки с пищеварением? Комиссию последнюю когда проходил...?

- Не помню, кажется прошлой осенью. Там в санитарной книжке отмечено...

- А семья где? – вопрос врача прозвучал несколько серьёзно.

- Мои дела так плохи? – спокойно вместо ответа спросил Серёгин.

- Это обычный опрос пациента – как-то излишне безразлично пожал плечами доктор.

- Я думал вызвать жену с сыном сразу же по приезду на место службы, но теперь...

- Так вы ещё не знаете куда направлялись? И-да!

– оживился доктор, внимательно между тем заглядывая в глаза Серёгину. – Ну-с, майор, с месячишко придётся погостить у нас. О месте вашего пребывания в часть мы сообщим. Пока примите вот эти пиюлои и отдыхайте...

Месячишко, однако, затянулся до лета. Доктор настоял, и Серёгин согласился на операцию. Жена прилетела в Уссурийск после первой же телеграммы и жила первое время в гостинице, а потом сняла квартиру, устроившись временно в детский сад на работу. Сын остался у тёщи, и у Андрея болела душа за то, как он там окончит школу и сдаст выпускные экзамены.

- Ты за него не беспокойся, – успокаивала жена. – Он у нас взрослый самостоятельный парень. О себе лучше подумай. Давай выкарабкивайся, не расслабляйся...

Жена вроде шутила, но в глазах Андрей видел участие и нешуточную грусть.

«О самолётах, вероятно, придётся забыть. А чем заниматься? Я же ничего другого не умею делать...». Вспомнил о своей школьной любви к истории. Попросил жену поискать чего-нибудь в городской библиотеке. Она с примерным усердием исполнила просьбу и через пару дней принесла солидную стопку книг: всего Гумилёва, Чивилихина в роман-газете, знаменитую трилогию Василя Яна, несколько томов Карамзина.

- А почему так мало Николая Михайльча...? – не утерпел и слегка съязвил Серёгин.

- Да я решила... так, для затравки пока тебе

ассорти предложить, а там как пойдёт. Думаю, до выписки из госпиталя хватит...

На удивление книг не хватило! Через неделю Андрей попросил несколько книг «Истории России» Соловьёва, затем проникся «Родовым бытом германцев» Тимофея Грановского, и к тому времени, когда доктор с удовлетворением объявил Серёгину о дне выписки, он самозабвенно увлёкся и сам задумкой написать небольшую повесть.

В летнюю часть по месту службы Серёгина добрались в самом конце лета. Сын писал, что поступил на филфак, чем несколько удивил: почему-то всегда думалось, что парень пойдёт в военное училище, но, поди ж ты, пошёл своей тропкой. Ну, дай-то Бог. Может быть Андрею самому стоило бы когда-то серьёзнее думать при выборе пути...? Но, теперь чего жалеть: первую половину отслужил уж, надо как-то вторую дотягивать. Комиссией от полётов отстранили, пока, говорят, оклемайся на земле, а там будет видно. А на земле все места насижены, не подступишься. Всяк свое при себе держит, не шибко делится. Жене проще: сразу же пошла в школу, как и на прежнем месте. Худо-бедно свою неважнецкую зарплату получит, на хлеб-соль хватит. Назначили и Серёгина на должность какого-то там запасного инструктора по безопасности, кое-какое жалование за то положили. «Живы будем – не помрём...» – как-то безразлично думалось Андрею. И лишь большая общая тетрадь, в которой он начал свою повесть, теперь занимала всё его свободное время. Писалось не легко, но это занятие как-то скоро и

без особого труда стало любимым. «Первым читателем будет сын. Пусть знает, какие здесь чудесные места...» – думалось с самого начала как в повести проявились главные картины и события.

Первые дни сентября над землёй всё ещё казались летом, хотя август заканчивался ветрено дождём, многоводием. Но вскоре всё окрест подсохло и почти не утратило зелёного буйства по склонам. Ночами, правда, температура падала до десяти градусов, заставляя зябко поёживаться под лёгкой простынёй. Днём же градусник показывал за двадцать, но тепло это уже было мягким, словно касательным и не жгучим. Дальние вершины как-то чуть поблёкли, было видно, что кучерявые сопки вот-вот поменяют зелень свою на другие неведомые краски. Оттого пред мигом сим чувствовалось этакое ожидание, небольшая остановка, вроде бы малое загибье...

К лекарствам, прописанным доктором, Серёгин добавил кое-какие снадобья лекаря из местных корейцев, к которому посоветовали обратиться сослуживцы. А когда болезнь припрёт, пойдёшь на поклон к любому китайцу-малайцу. И надо признать болезнь, кажется, отступила, но сделала Серёгина чуть угрюмее. Жена с пониманием отнеслась к такой перемене в его характере, предоставив ему чаще уединяться. И он использовал это, к зиме освоив пешком окрестности гарнизона и прилегающей к нему большой деревни.

...В январе после снегонада выбрался сквозь серые заросли к реке. На ровном льду протоки

свежо и чисто. Чуть слепит солнце, огразившись от ровной снежной глади этой небольшой котлубани. Среди черёмух тишина и глубокий снег, по у берегов, против ожидания, сугробов почти нет. Чуть слышен говорок на удивление незамёрзшего переката, да в серых ветвях лёгкий посвист поползня. «Надо бы наведаться в город, побывать у моря. К весне поправлюсь, буду подумывать об автомобиле...» – сожалел Андрей о проданном поспешно четырёхколёсном “коньке”, но думалось обо всём под эти незамысловатые звуки тепло и приятно...

Но в город выбрался лишь к весне после неожиданной оттепели, когда температура днём вдруг поднялась до плюс десяти градусов, и солнце вылизало грязный снег по скверам, наделав грязи и порадовав соскучившееся по теплу воробьиное племя в ветвях вяза. Заночевал по совету сослуживца у его знакомых. Ночью в колодцах-улицах гулял изувер ветер. Но ветреная ночь унесла за собой эту весеннюю грезу и вернула всё на свои места. На улицы – мороз, в низкое небо стылое дыхание февраля, а в душу – шемящую тоску по лету...

На следующий день побывал у моря. Над его свинцовым простором ветер усиливал действие жгучего морозца, превращая барашки у самого берега в белую наледь поверх камней. В ушах стоял какой-то свист от воды, летящей с макушек волн обжигающими брызгами в лицо. Картина, в общем, была мрачной, но величественность её

подчёркивалась совершенно чистым небом и ясной раскрытой далью противоположного берега залива, раскинувшегося пред взором, словно на ладони...

После поездки в город работа над повестью подвинулась скорее, тетрадка от частого пользования изрядно распухла, и к приходу тепла закончилась. Он добавил к ней ещё несколько листов и, перечитав ещё множество раз, удовлетворённо сложил всё в полиэтиленовый пакет. Оставалось показать повесть знающим людям, и опубликовать. Сыну, конечно же, Серёгину отправит уже готовую красивую книжку...